

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В последнем русском издании автор следует берлинскому изданию «Петербург» (1922 г.); это издание значительно сокращает текст (более чем на треть); сличение двух вариантов дает совсем разное впечатление от них; кажется, будто нечто основное изменилось в «Петербурге»; для читателей первого издания — «Петербург» данного издания — новая книга.

Для автора она лишь возвращение к основному замыслу, а первое издание — черновик, который судьба (спешность срочной работы) не позволила доработать до чистовика; сухость, краткость, концентрированность изложения (так виделся автору «Петербург» в замысле) черновик превратил в туманную витиеватость.

Особенно радуется автор, что этим изданием снимается с него вина полной перекаленности основного «драматического» текста «Петербурга»; но это не вина автора, а судеб постановки драмы «Петербург».

Кучино
12 декабря 1927 г.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

Часть первая

ПРОЛОГ

Ваши превосходительства, высокородия, благородия, граждане!

.

Что есть Русская Империя наша?

Русская Империя наша есть географическое единство, что значит: часть известной планеты. И Русская Империя включает: во-первых — великую, малую, белую и червонную Русь; во-вторых — грузинское, польское, казанское и астраханское царство; в-третьих, она включает... — Но — прочая, прочая, прочая.

Русская Империя наша состоит из множества городов: столичных, губернских, уездных, заштатных; и далее: — из первопрестольного града и матери градов русских.

Град первопрестольный — Москва; и мать градов русских есть Киев.

Петербург, или Санкт-Петербург, или Питер (что то же), подлинно принадлежит Российской Империи. А Царь-град, Константиноград (или, как говорят, Константинополь), принадлежит по праву наследия. И о нем распространяться не будем.

Распространимся более о Петербурге: есть Петербург, или Санкт-Петербург, или Питер (что — то же). На основании тех же суждений Невский Проспект есть петербургский Проспект.

Невский Проспект обладает разительным свойством: он состоит из пространства для циркуляции публики; нумерованные дома ограничивают его; нумерация идет в порядке домов, — и поиски нужного дома весьма облегчаются. Невский Проспект, как и всякий проспект, есть публичный Проспект; то есть: проспект для циркуляции публики (не воздуха, например); образующие его боковые границы дома суть — гм... да: ... для публики. Невский Проспект по вечерам освещается электричеством. Днем же Невский Проспект не требует освещения.

Невский Проспект прямолинеен (говоря между нами), потому что он — европейский проспект; всякий же европейский проспект есть не просто проспект, а (как я уже сказал) проспект европейский, потому что... да...

Потому-то Невский Проспект — прямолинейный проспект.

Невский Проспект — немаловажный проспект в сем не русском — столичном — граде. Прочие русские города представляют собой деревянную кучу домишек.

И разительно от них всех отличается Петербург.

Если же вы продолжаете утверждать нелепейшую легенду — существование полутораmillionного московского населения, — то придется сознаться, что столицей будет Москва, ибо только в столицах бывает полутораmillionное население; а в городах же губернских никакого полутораmillionного населения нет, не бывало, не будет. И согласно нелепой легенде окажется, что столица не Петербург.

Если же Петербург не столица, то — нет Петербурга. Это только кажется, что он существует.

Как бы то ни было, Петербург не только нам кажется, но и оказывается — на картах; в виде двух друг в друге сидящих кружков с черной точкою в центре; и из этой вот математической точки, не имеющей измерения, заявляет он энергично о том, что он — есть: оттуда из этой вот точки несется потоком рой отпечатанной книги; несется из этой невидимой точки стремительно циркуляр.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
*в которой повествуется об одной
достойной особе, ее умственных играх
и эфемерности бытия*

Была ужасная пора:
О ней свежо воспоминанье...
О ней, друзья мои, для вас
Начну свое повествованье.
Печален будет мой рассказ...

А. Пушкин

**АПОЛЛОН АПОЛЛОНОВИЧ
АБЛЕУХОВ**

Аполлон Аполлонович Аблеухов был почтенного рода: имел своим предком Адама. И это не главное: важней, что один из этого почтенного рода был Сим: прародитель семитских, хесситских и краснокожих народностей.

Здесь сделаем переход к предкам не столь удаленной эпохи.

Они проживали в киргиз-кайсацкой орде, откуда в царствование императрицы Анны Иоанновны доблестно поступил на русскую службу мирза Аб-Лай, прапрадед сенатора, получивший при христианском крещении имя Андрея и прозвище Ухова. Для краткости после был превращен Аб-Лай-Ухов уже в Аблеухова просто.

Этот прапрадед и оказался истоком рода.

.

Серый лакей с золотым галуном пуховкою стряхивал пыль с письменного стола; в открытую дверь заглянул колпак повара.

— «Сам-то, вишь, встал...»

— «Обтираются одеколоном, скоро пожалуют к кофию...»

— «Утром почтарь говорил, будто барину — письмецо из Гишпани; с гишпанскою маркою».

— «Я вам вот что замечу: меньше бы вы в письма-то совали свой нос...»

Голова повара вдруг пропала. Аполлон Аполлонович Аблеухов прошествовал в кабинет.

.

Лежащий на столе карандаш поразил внимание Аполлона Аполлоновича. Аполлон Аполлонович принял намеренье: придать карандашному острию отточенность формы. Быстро он подошел к письменному столу и схватил... пресс-папье, которое долго он вертел в глубокой задумчивости.

Рассеянность проистекла оттого, что в сей миг его осенила глубокая дума; и тотчас же, в неурочное время, развернулась она в убегающий мысленный ход.

Развернувшийся мысленный ход Аполлон Аполлонович стал записывать быстро: записав этот ход, он подумал: «Пора и на службу». И прошел в столовую откушивать кофей свой.

Предварительно с настойчивостью стал допрашивать он камердинера старика:

— «Николай Аполлонович встал?»

— «Никак нет: еще не встали...»

Аполлон Аполлонович недовольно потер переносицу:

— «Ээ... скажите: когда же — скажите — Николай Аполлонович, так сказать...»

И тотчас, не дожидаясь ответа, прошествовал к кофейю, посмотрев на часы.

Было ровно половина десятого.

Каждое утро сенатор осведомлялся о часах пробуждения. И каждое утро он морщился.

Николай Аполлонович был сенаторский сын.

СЛОВОМ, БЫЛ ОН ГЛАВОЙ УЧРЕЖДЕНИЯ...

Каково же было общественное положение из небытия восставшего здесь лица?

Думаю, что вопрос достаточно неуместен: Аблеухова знала Россия по отменной пространности им произносимых речей; эти речи безгромно струили какие-то яды, в результате чего предложение партии там, где следует, отклонялось. С водворением Аблеухова на ответственный пост Департамент девятый бездействовал. С Департаментом этим Аполлон Аполлонович вел упорную брань и бумагами и, где нужно, речами, способствуя ввозу в Россию американских сноповязалок. (Департамент девятый за ввоз не стоял.)

Аполлон Аполлонович был главой Учреждения; ну, того... как его?

Если сравнить худосочную, совершенно невзрачную фигурку моего почтенного мужа с неизмеримой громадностью им управляемых механизмов, можно было б надолго, пожалуй, предаться наивному удивлению; но ведь вот — удивлялись решительно все взрыву умственных сил, источаемых этою вот черепною коробкою наперекор всей России.

Моему сенатору только что исполнилось шестьдесят восемь лет; и лицо его, бледное, напоминало и серое пресс-папье (в минуту торжественную), и — папье-маше (в час досуга); каменные сенаторские глаза, окруженные черно-зеленым провалом, в минуты усталости казались синей и громадней.

От себя еще скажем: Аполлон Аполлонович не волновался нисколько при созерцании совершенно зеленых своих и увеличенных до громадности ушей на кровавом фоне горящей России. Так был он недавно

изображен: на заглавном листе уличного юмористического журнальчика, одного из тех «жидовских» журнальчиков, кровавые обложки которых на кишащих людом проспектах размножались в те дни с поразительной быстротой...

СЕВЕРО-ВОСТОК

В дубовой столовой уже куковала стенная кукушка; Аполлон Аполлонович сел перед фарфоровой чашкою и отламывал теплые корочки хлеба; за кофею — даже, даже — пошучивал он:

— «Кто всех, Семеныч, почтеннее?»

— «Полагаю я, Аполлон Аполлонович, что почтеннее — действительный тайный».

Аполлон Аполлонович улыбнулся одними губами:

— «Не так полагаете: трубочист...»

Камердинер уж знал окончание каламбура: об этом — молчок.

— «Почему же, осмелюсь спросить?»

— «Перед действительным тайным, Семеныч, сторонятся...»

— «Полагаю, что — так...»

— «Трубочист... Перед ним посторонится и действительный тайный: запачкает трубочист».

— «Вот оно как-с» —

— «Так-то вот: только есть еще должность почтеннее...»

И тут же прибавил:

— «Ватерклозетчика...»

— «Пфф...»

И — глоток кофея.

— «Вот-с, Аполлон Аполлонович, тоже бывало: Анна Петровна...»

При слове же «Анна Петровна» седой камердинер осекся.

.

- «Пальто серое-с?»
- «Серое...»
- «И перчатки-с?»
- «Перчатки мне замшевые...»
- «Потрудитесь, ваше высокопревосходительство, обождать-с: перчатки-то у нас в шифоньерке: полка-бе — северо-запад».

Аполлон Аполлонович только раз вошел в мелочи жизни: проделал ревизию инвентарю; инвентарь был зарегистрирован в порядке и установлена номенклатура всех полок и полочек; появились полочки под литерами: а, бе, це; а четыре стороны полочек приняли обозначение четырех сторон света.

Уложивши очки свои, Аполлон Аполлонович отмечал у себя на реестре мелким, бисерным почерком: очки, полка-бе и св, то есть северо-восток, копию же с реестра получил камердинер.

.

В лакированном доме житейские грозы протекали бесшумно; тем не менее грозы житейские протекали здесь губительно.

БАРОН, БОРОНА

Со стола поднялась длинноногая бронза; ламповый абажур не сверкал фиолетово-розовым тоном, расписанным тонко: секрет этой краски наш век утратил; стекло потемнело от времени; и — тонкая роспись.

Золотые трюмо отовсюду глотали гостиную зеленоватыми поверхностями зеркал; их увенчивал крыльшком золотощекий амурчик; поблескивал перламутровый столик.

Аполлон Аполлонович распахнул быстро дверь, опираясь рукой на хрустальную, граненую ручку; по блистающим плитам паркетиков застучал его шаг;

отовсюду бросились горки фарфоровых безделушек; безделушечки эти вывезли они из Венеции, он и Анна Петровна, тому назад — тридцать лет. Воспоминание о туманной лагуне, гондоле и арии, рыдающей в отдалении, промелькнуло некстати так в сенаторской голове. Тотчас же глаза перевел на роуль он. С желтой лаковой крышки там разблестались листики бронзовой инкрустации; и опять (докучная память!) Аполлон Аполлонович вспомнил: белую петербургскую ночь; в окнах бежала река; и стояла луна; и гремела рулада Шопена: помнится — игрывала Шопена (не Шумана) Анна Петровна...

Разблестались листики инкрустации — перламутра и бронзы — на коробочках, полочках, выходящих из стен. Аполлон Аполлонович уселся в ампирное кресло, где на бледно-лазурном атласе сиденья завивались веночки; и с китайского он подносика ухватился рукою за пачку нераспечатанных писем; наклонилась к конвертам лысая его голова.

И конвертики разрывались: обыкновенный, почтовый — марка наклеена косо:

— «Так-с, так-с, хорошо-с...»

— «Просьба...»

— «Просьба и просьба...»

Со временем, потом: как-нибудь...

Конверт из массивной бумаги — и с вензелем, с печатью на сургуче.

— «Мм... Граф Дубльве... Что такое?..»

— «Ммм...»

Граф Дубльве был начальник девятого Департамента. Далее... Бледно-розовый, миниатюрный конвертик; рука у сенатора дрогнула; он узнал этот почерк: — разглядывал испанскую марку, но — конверта не распечатал:

— «Деньги были же посланы?»

— «Деньги посланы будут!!!»

И Аполлон Аполлонович, думая, что достал карандашик, вытащил из жилета костяную щеточку для ногтей и ею же собирался сделать пометку...

— «?...»

— «Поданы-с...»

Аполлон Аполлонович поднял лысую голову и пошел вон из комнаты.

.

Над роялем висела уменьшенная копия с картины Давида «Distribution des aigles par Napoléon premier».

Картина изображала надменного Императора в венке и горноставной порфире.

Холодно было великолепию гостиной от полного отсутствия ковриков: блистали паркетные доски; если бы солнце на миг осветило их, то глаза бы невольно зажмурились.

Но сенатором Аблеуховым холодное возводилось в принцип.

Оно запечатлевалось: в хозяине, в статуях, в слугах, даже в тигровом темном бульдоге, проживающем где-то близ кухни; в этом доме конфузились все, уступая паркету, картинам и статуям, улыбаясь, конфузясь и глотая слова: угождали и кланялись, и ломали холодные пальцы в порыве бесплодных угодливоростей.

С отъездом Анны Петровны: безмолвствовала гостиница, опустилась крышка рояля: не гремела рулада.

.

Когда Аполлон Аполлонович спустился в переднюю, то его седой камердинер, спускаясь в переднюю тоже, поглядывал на почтенные уши, сжимая в руке табакерку — подарок министра.

Аполлон Аполлонович остановился на лестнице.

Аполлон Аполлонович подыскивал подходящее слово:

— «Что вообще — да — подделывает... подделывает...»

- «?...»
- «Николай Аполлонович».
- «Ничего себе здравствуют...»
- «А еще?»
- «Затворяться изволят и книжки читают».
- «И книжки?»
- «Гуляют по комнатам-с...»
- «Гуляют — ...И? Как?»
- «В халате-с!..»
- «Так... Дальше?»
- «Вчера поджидали...»
- «Кого?»
- «Костюмера...»
- «Какой такой костюмер?»
- «Костюмер-с...»
-

Аполлон Аполлонович потер себе переносицу: лицо его просветилось и стало вдруг старческим:

- «Ну, так вы — знаете ли — барон».
- «?»
- «Борона у вас есть?»
- «Борона была-с: у родителя».
- «Ну, вот видите, а еще говорите...»

КАРЕТА ПОЛЕТЕЛА В ТУМАН

Изморось поливала улицы и проспекты, тротуары и крыши.

Она поливала прохожих: и награждала их гриппами; ползли вместе с пылью дождя инфлуэнцы и гриппы под приподнятый воротник: гимназиста, студента, чиновника, офицера, субъекта; субъект озирался тоскливо; глядел на проспект; циркулировал он в бесконечность проспектов без всякого ропота — в потоке таких же, как он — среди лета и грохота, слушая голос автомобильных рулад.

— И — спотыкался о набережную, где приканчивалось все: глас рулады, субъект.

Издадека-далека, будто дальше, чем следует, опустились испуганно и принизились острова; и принизились здания; казалось — опустятся воды, и хлынет на них в этот миг: глубина, зеленоватая муть; а над этою зеленоватою мутью в тумане гремел и дрожал Николаевский мост.

В мхурое утро распахнулись двери желтого дома: дом окнами выходил на Неву; и лакей с галуном бросился подавать знаки кучеру. Серые кони рванулись и подкатили карету, на которой был выведен герб: единорог, прободающий рыцаря.

Молодцеватый квартальный, проходивший мимо крыльца, поглупел и вытянулся в струну, когда Аполлон Аполлонович Аблеухов в сером пальто и в высоком черном цилиндре с каменным лицом, напоминающим пресс-папье, быстро выбежал из подъезда и еще быстрее вбежал на подножку кареты, на ходу надевая черную замшевую перчатку.

Аполлон Аполлонович Аблеухов бросил мгновенный, растерянный взгляд на квартального надзирателя, на карету, на кучера, на большой черный мост, на пространство Невы, где так блекло чертились туманные, многотрубные дали, и оттуда испуганно поглядел Васильевский Остров.

Серый лакей поспешно хлопнул каретною дверцею. Карета стремительно пролетела в туман; и случайный квартальный глядел через плечо в грязноватый туман — туда, куда стремительно пролетела карета; вздохнул и пошел; посмотрел туда же лакей: на пространство Невы, где так блекло чертились туманные, многотрубные дали и откуда испуганно поглядел Васильевский Остров.

Здесь, в самом начале, должен я прервать нить моего повествования, чтоб представить читателю местодействие одной драмы.

КВАДРАТЫ, ПАРАЛЛЕЛЕПИПЕДЫ, КУБЫ

Там, где взвесилась только одна туманная сырость, матово намечался сперва, потом с неба на землю спустился — грязноватый, черновато-серый Исакий; намечался и вовсе наметился: конный памятник Императора Николая, у подножия из тумана просунулся косматую шапку николаевский гренадер.

Карета летела на Невский.

Аполлон Аполлонович Аблеухов покачивался на атласных подушках сиденья; от уличной мрази его отграничили четыре перпендикулярные стенки; так он был отделен от людей и от мокнущих красных оберток журнальчиков, продаваемых вон с того перекрестка.

Планомерность и симметрия успокоили нервы сенатора, возбужденные и неровностью жизни домашней, и беспомощным кругом вращения нашего государственного колеса.

Гармонической простотой отличались его вкусы.

Более всего он любил прямолинейный проспект; этот проспект напоминал ему о течении времени между двух жизненных точек.

Там дома сливались кубами в планомерный, пятиэтажный ряд; этот ряд отличался от линии жизненной: здесь середина жизненных странствий носителя бриллиантовых знаков оказалась для скольких сановников окончанием жизненного пути.

Вдохновение овладевало душою сенатора, когда линию Невского разрезал лакированный куб: там виднелась домовая нумерация; и шла циркуляция; там, оттуда — в ясные дни, издалека-далека, сверкали слепительно: золотая игла, облака, луч багровый заката; там, оттуда — в туманные дни, — ничего, никого.

А там были — линии: Нева, острова. Верно, в те далекие дни, как вставали из мшистых болот и вы-

сокие крыши, и мачты, и шпицы, пронизая зубцами своими промозглый, зеленоватый туман, —

— на теневых своих парусах полетел к Петербургу Летучий Голландец из свинцовых пространств балтийских и немецких морей, чтобы здесь воздвигнуть обманом свои туманные земли, и назвать островами волну набегающих облаков.

Аполлон Аполлонович островов не любил: население там — фабричное, грубое; многотысячный рой людской там бредет по утрам к многотрубным заводам; жители островов причислены к народонаселению Империи; всеобщая перепись введена и у них.

Аполлон Аполлонович не хотел думать далее: острова — раздавить! Приковать их железом огромного моста, проткнуть проспектными стрелами...

Глядя мечтательно в ту бескрайность туманов, государственный человек из черного куба кареты вдруг расширился во все стороны и над ней воспарил; и ему захотелось, чтоб вперед пролетела карета, чтоб проспекты летели навстречу — за проспектом проспект, чтобы вся сферическая поверхность планеты оказалась охваченной, как змеиными кольцами, черновато-серыми домовыми кубами; чтобы вся, проспектами притиснутая земля, в линейном космическом беге пересекла бы необъятность прямолинейным законом; чтобы сеть параллельных проспектов, пересеченная сетью проспектов, в мировые бы ширилась бездны плоскостями квадратов и кубов: по квадрату на обывателя, чтобы...

После линии более всех симметричностей успокаивала его фигура — квадрат.

Он, бывало, подолгу предавался бездумному созерцанию: пирамид, треугольников, параллелепипедов, кубов, трапеций.

Аполлон Аполлонович наслаждался подолгу четырёхугольными стенками, пребывая в центре черного, совершенного и атласом затянутого куба: Аполлон Аполлонович был рожден для одиночного заключения; лишь любовь к государственной планиметрии облакала его в многогранность ответственного поста.

.

Мокрый, скользкий проспект пересекался мокрым проспектом под прямым, девяностоградусным углом; в точке пересечения стал городской...

И такие же точно возвышались дома, и такие же серые проходили там токи людские, и такой же стоял там зелено-желтый туман.

Но параллельно с бегущим проспектом был бегущий проспект с тем же рядом коробок, с той же нумерацией, с теми же облаками.

Есть бесконечность бегущих проспектов с бесконечностью бегущих пересекающих призраков. Весь Петербург — бесконечность проспекта, возведенного в энную степень.

За Петербургом — ничего нет.

ЖИТЕЛИ ОСТРОВОВ ПОРАЖАЮТ ВАС

Был последний день сентября.

На Васильевском Острове, в глубине семнадцатой линии, из тумана глядел дом огромный и серый; вела к этажам грязноватая лестница: были двери и двери; одна отворилась.

И незнакомец с чернейшими усиками показался на пороге ее.

В руке у него равномерно качался не то, чтобы маленький, и все же не очень большой узелочек, перевязанный грязной салфеткой с красными каймами из линючих фазанов.

Лестница была черной, усеянной огуречными корками и ногой продавленным капустным листом. Незнакомец на ней поскользнулся.

Одной рукой он тогда ухватился за лестничные перила; другая рука (с узелком) описала зигзаг; незнакомец хотел охранить узелок от досадной случайности — от падения на каменную ступень, потому что в движении локтя нарисовался фортель акробата.

Затем, в встрече с дворником, поднимавшимся вверх по лестнице с перекинутой охапкой осиновых дров, незнакомец усиленно стал выказывать попечение о судьбе узелка, могущего зацепить за полено.

Когда незнакомец спустился, то черная кошка, у ног, задрав хвост, пересекла дорогу, роняя к ногам знакомого куриную внутренность; и лицо передернула судорога.

Эти движения свойственны барышням.

И такие же точно движения отмечают подчас изнуренных бессонницей современников. Незнакомец бессонницею страдал: прокуренность обиталища на то намекала; и — свидетельствовал синеватый отлив нежной кожи лица.

Незнакомец оставался на дворике, четырехугольнике, залитом сплошь асфальтом и отовсюду притиснутом пятью этажами многооконной громадины. Посредине двора были сложены отсыревшие сажени осиновых дров; и сквозь ворота был виден кусок семнадцатой линии, обвистанной ветром.

Вы — линии!

В вас осталась память петровского Петербурга.

Параллельные линии некогда провел Петр; и они обросли то гранитом, то каменным, то деревянным забориком; линия Петра превратилась в линию позднейшей эпохи: в екатерининскую, округленную, в строй колоннад.

Меж громадин остались петровские домики; вон — бревенчатый; вон — зеленый; вот — синий, одноэтажный, с ярко-красною вывескою «Столовая»; прямо в нос еще бьют разнообразные запахи: пахнет солью морскою, селедкой, канатами, кожаной курткой и трубкой, и — прибережным брезентом.

О, линии!..

Как они изменились: как и их изменили суровые дни!

Незнакомец припомнил: в окошке того глянцеви того домика в летний вечер старушка жевала губами; с августа затворилось окошко; в сентябре пронесли газетовый гроб.

Он думал, что жизнь дорожает; рабочему люду жить трудно; оттуда вонзается Петербург и проспективными стрелами и ватагою каменных великанов.

Оттуда вставал Петербург; из волны облаков запылали там здания; там, казалось, парил кто-то злобный, холодный; оттуда, из воющего хаоса, уставился кто-то каменным взглядом, в туман выдаваяя черепом и ушами.

Все то незнакомец подумал; зажал он в кармане кулак; и он вспомнил, что падали листья.

Все знал наизусть. Эти павшие листья — для скольких последние листья: он стал — синеватая тень.

.

От себя же мы скажем: о, русские люди, о, русские люди! Вы толпы теней с островов не пускайте! Через летийские воды уже перекинуты черные и сырые мосты. Разобрать бы их...

Поздно...

И тени валили по мосту; и темная тень незнакомца.

В руке у нее равномерно качался не то, чтобы маленький, все же не очень большой узелочек.

И, УВИДЕВ, РАСШИРИЛИСЬ, ЗАСВЕТИЛИСЬ, БЛЕСНУЛИ...

С предтекущей толпой престарелый сенатор общался при помощи проволок (телеграфных и телефонных); поток теневой предносился, как мира спокойно текущая весть. Аполлон Аполлонович думал: о звездах; качаясь на черной подушке, высчитывал силу он света, воспринимаемого от Сатурна.

Вдруг... —

— лицо его сморщилось и передернулось тиком; судорожно закатились глаза, обведенные синевой; кисти рук подлетели на уровень груди. И корпус откинулся, а цилиндр, стукнув в стенку, упал на колени...

Безотчетность движения не поддавалась толкованию; кодекс правил сенатора не предусматривал...

Созерцая текущие силуэты, Аполлон Аполлонович уподоблял их сияющим точкам; одна из сих точек, срываясь с орбиты, с головокружительной быстротой понеслась на него, принимая форму громадного и багрового шара: —

— из котелков увидел он с угла пару глаз: а глаза выражали недопустимое: они узнали сенатора; и, узнавши, сбесились, расширились, засветили, блеснули.

Углубляясь впоследствии в подробности обстоятельства, Аполлон Аполлонович скорее, чем вспомнил, сообразил, что в руке разночинец держал узелок.

Стиснутая потоком пролетов, карета остановилась у перекрестка; поток разночинцев прижался к карете сенатора, нарушая иллюзию, будто он, Аполлон Аполлонович, пролетая по Невскому, пролетает за миллиардами верст от людской многоножки; обеспокоенный, Аполлон Аполлонович придвинулся к стеклам; тут он увидел разночинца; потом вспомнил то лицо, озадаченный трудностью подвести его под лобую из существующих категорий...

Тогда-то глаза незнакомца расширились, засветились, блеснули.

В роях грязноватого дыма, откинувшись к стенке кареты, в глазах видел он то же все; сердце билось; и ширилось; а в груди родилось ощущение багрового шара, готового разорваться на части.

Аполлон Аполлонович ведь страдал расширением сердца.

Аполлон Аполлонович, машинально надевши цилиндр и рукою прижавшись к скакавшему сердцу, отдался любимому созерцанию кубов, чтоб дать себе в происшедшем спокойный отчет.

.

Кони остановились. Городовой отдал под козырек. За подъездным стеклом, под бородатой кариатидою, подпирающей камни балкончика, Аполлон Аполлонович увидал то же все: там блистала медная, тяжело-главая булава; на плечо там упала темная треуголка: восьмидесятилетний швейцар засыпал над Биржевкой. Так же он засыпал позавчера и вчера.

Так он спал пятилетие... Так проспит он...

С той самой поры, как Аполлон Аполлонович подкатил к Учреждению главою Учреждения, прошло уже пять с лишком лет. И тут были события: проволновался Китай, и пал Порт-Артур.

.

Дверь распахнулась: медная булава простучала. Аполлон Аполлонович из каретного дверца пронес взор в подъезд.

— «Ваше высокопревосходительство... Сядьте-с... Ишь ты, задыхаетесь...»

— «Все-то бегаете, будто маленький мальчик...»

— «А может... водицы?»

Но лицо именитого мужа изошло все морщинками:

— «А скажите, пожалуйста: кто муж графини?»

— «Какой, я позволю спросить?»

— «Нет просто графини?»

— «?»

— «Графин».

.

«Хе-хе-хе-с...»

.

ДВУХ БЕДНО ОДЕТЫХ КУРСИСТОЧЕК...

Среди медленно протекающих толп протекал незнакомец; верней — утекал в совершенном смятенье от того перекрестка, где был он притиснут к карете, откуда уставились: ухо, цилиндр.

Это ухо он видел!

Он — кинулся в бегство.

Пересекая столбы разговоров, ловил их отрывки, и составлялся предложения.

— «Знаете?» — пронеслось где-то справа; погасло.

И — вынырнуло:

— «Собираются...»

— «Бросить...»

Шушукало сзади:

— «В кого?»

И вот темная пара сказала.

— «Абл...»

Прошла:

— «В Аблеухова?!»

Пара dokonчила где-то вдали...

— «Абл... ейка меня кк... исла... тою... попробуй...»

И пара икала.

Но незнакомец стоял, потрясенный всем слышанным:

— «Собираются?...»

— «Бросить?..»

Кругом зашепталося:

— «Пора... право...»

Незнакомец услышал не «право», а «прово», до-
кончил же сам:

— «Прово-кация?!»

Провокация загуляла по Невскому. Провокация
изменила смысл слышанных слов.

Просто он от себя присоединил предлог *в е, е р:*
присоединением буквы *в е* и твердого знака изменил-
ся невинный словесный обрывок в обрывок ужасного
содержания; и — главное: присоединил предлог —
незнакомец.

Провокация, стало быть, в нем сидела самом.

О, русские люди!

Становитесь вы теньями клуболящих туманов: ту-
маны летят искони из свинцовых пространств заки-
певшего Балта; в туманы уставились пушки.

В двенадцать часов глухой пушечный выстрел
торжественно огласил Петербург, великолепную сто-
лицу Империи: и туманы разорвались, и тени рассе-
ялись.

Только тень — молодой человек — не сотрясся
и не распался от выстрела, беспрепятственно совершая
пробег до Невы.

Вдруг — то увидел в упор на себя устремленные
глазки двух бедно одетых курсисточек...

ДА ВЫ ПОМОЛЧИТЕ!..

«Вы — бы...»

Но слышалось:

«Бы — бы...»

И компания тощих пиджачников начинала виз-
жать:

— «А — а́хха-ха, аха-ха!..»

.

Петербургская улица осенью — пронизает; и леденит костный мозг, и щекочет; как скоро с ней попадаешь в помещение, улица в жилах течет лихорадкой.

Все то испытал незнакомец, войдя в запотевшую и парную переднюю, туго набитую: черными, синими, серыми, желтыми п^оль^тами, вислоухими шапками; и — всевозможной калошей; пар блинного запаха стлался:

— «Ааа!..»

.

Ресторанное помещение состояло из грязненькой комнатки; пол натирался мастикою; стены были расписаны рукой маляра, изображая обломки флотилии, с высоты которых в пространство указывал Петр.

— «Вам с пикончиком?»

— «Нет, без пикону!»

Сам думал: а почему был испуганный взгляд — за каретным стеклом: выпучились, окаменели, закрылись глаза; голова покачалась и скрылась; рука потряслась там безвластно; была не рука, а... ручончка...

На прилавке же сохла закуска; скисали какие-то вялые листки с грудюю перепрелых котлеток.

.

Вдали там посиживал праздно потеющий муж с кучерской бородой, в синей куртке, в смазных сапогах: опрокидывал рюмочки; подзывал полового:

— «Чаво бы нибудь...»

— «Дыньки-с?»

— «Мыло с сахаром твоя дынька...»

— «Бананчика-с?»

— «Неприличнава сорта фрухт...»

.

Трижды мой незнакомец уже проглотил терпкий яд. И сознание, отделяясь от тела, как ручка машинного рычага, начинало вертеться вокруг организма.

И сознание незнакомца на миг прояснилось: да; где узелочек? Вот он, — рядом, тут...

Эта встреча повышибла память.

.

— «Арбузика-с?»

— «К шуту арбузик: все только хруст на зубах; а во рту — хоть бы что...»

— «Ну так водочки...»

.

— «Не жалаете ль рюмочку?»

Праздно потеющий бородач подмигнул.

— «Отчего же-с?»

— «Да пил...»

— «Выпили бы в маем кумпанействе...»

Незнакомец мой что-то сообразил: подозрительно поглядел, ухватился за мокренький узелочек, за листик (газетного чтения); им он прикрыл узелочек:

— «Вы тульские будете?»

— «И вовсе не тульский...»

.

Он думал; и — нет; думы думались сами; и открывали картину: брезенты, канаты, селетки; набиты чем-то кули: меж кулями одетый в чернейшую кожу рабочий на спину все взваливал куль, выделяясь отчетливо в тумане летящих поверхностей; и куль глухо ухал в перегруженную балками барку; рабочий же (знакомый) стоял над кулями, вытаскивал трубочку.

.

— «По камерческой части?»
(Ах, господи!)

— «Нет!»

— «Вот он: а мы — в кучерах...»

.

— «Шурин та мой у Кистинтина Кистинтиновича кучером...»

— «Ну и что ж?»

— «Да что ж: ничаво!..»

.

Вдруг — ...

Но о вдруг мы — впоследствии.

ПИСЬМЕННЫЙ СТОЛ ТАМ СТОЯЛ

Аполлон Аполлонович прицеливался к текущему деловому дню; и восставали: доклады вчерашнего дня; у себя на столе он представил бумаги, порядок их и им сделанные пометки карандашами: синее «дать ход» с хвостиком твердого знака, красное «справка» с росчерком на «а».

От департаментской лестницы до дверей кабинета Аполлон Аполлонович волею перемещал центр сознания; мозговая игра отступала на край поля зрения, как белесоватые разводы обоев: кучечка из параллельно положенных дел перемещалась в центр поля, как портрет.

Портрет? То есть: —

И нет его — и Русь оставил он...

Кто? Сенатор? Он? Аполлон Аполлонович Абулеухов? Да нет: Вячеслав Константинович... А он, Аполлон Аполлонович?

И мнится — очередь за мной...

Зовет меня мой Дельвиг милый...

Очередь — очередь: по очереди —

И над землей сошлись новы тучи,
И ураган их...

Кучка бумаг выскочила на поверхность сознания: Аполлон Аполлонович прицелился к текущему деловому дню.

— «Потрудитесь же, Герман Германович, приготовить — то самое, как его...»

— «Дело дьякона Зракова!»

Тут он вспомнил (он вовсе забыл): да, — глаза: удивились, сбесились... И зачем был зигзаг?.. Пренеприятный. И разночинца как будто бы видел — когда-то: а может быть, — нигде, никогда...

Аполлон Аполлонович открыл дверь кабинета...

Письменный стол там стоял, а камин растрещался поленьями; Аполлон Аполлонович грел у камина иззябшие руки, а мозговая игра продолжала там строить туманные плоскости:

— «Николай Аполлонович...»

Тут Аполлон Аполлонович...

— «?...»

Аполлон Аполлонович остановился у двери.

Невинная мозговая игра самопроизвольно вновь двинулась в мозг, то есть в кучу бумаг и прошений; мозговую игру Аполлон Аполлонович счел бы разве обоями комнаты; плоскость, однако, порой раздвигаясь, пропускала в центр умственной жизни сюрприз.

Аполлон Аполлонович вспомнил:

Разночинца однажды он видел — представьте себе — у себя на дому.

Как-то спускался он с лестницы; Николай Аполлонович, перегнувшийся через перила, с кем-то...; о знакомствах Николая Аполлоновича государственный человек не считал себя вправе осведомляться; чувство такта естественно помешало спросить:

— «А скажи-ка мне, Коленька, кто это такое тебя посещает, голубчик мой?»

Николай Аполлонович опустил бы глаза:

— «Да так себе, папаша: меня посещают...»

Оттого-то вот Аполлон Аполлонович не заинтересовался несколько тогда этой личностью разночинца, глядевшего из передней в пальто; у незнакомца были те самые усики и поразительные глаза (вы такие бы встретили ночью в московской часовне Великомученика Пантелеймона, что у Никольских ворот; вы такие бы встретили на портрете, приложенном к биографии великого человека; и далее: в невропатологической клинике).

Глаза и тогда: расширились, заиграли, блеснули; значит: то уже было когда-то, и, может быть, — повторится.

.

Аполлон Аполлонович посмотрел вдруг за дверь: письменные столы, письменные столы! Кучи дел! И — склоненные головы! Какое кипучее и могучее бумажное производство!

.

Мозговая игра носителя бриллиантовых знаков отличалась странными, весьма странными, чрезвычайно странными свойствами: черепная коробка его становилась чревом мысленных образов, воплощавшихся тотчас же в этот призрачный мир.

О, лучше бы Аполлон Аполлонович не откидывал от себя ни одной праздной мысли, продолжая и все мысли носить в голове; ибо каждая мысль развивалась упорно в пространственно-временный образ; и продолжала свои бесконтрольные действия — вне сенаторской головы.

Аполлон Аполлонович был как Зевс: из его головы вытекали богини и гении; один такой гений (незнако-

мец с черными усиками), возникая, как образ, уже за быт и существовал в желтоватых пространствах; и он утверждал, что он вышел — оттуда: не из сенаторской головы; праздные мысли оказались у этого незнакомца; и обладали все теми же свойствами.

Убегали и упрочнялись.

И одна убежавшая мысль была мыслью о том, что незнакомец существует действительно; мысль убежала обратно в сенаторский мозг.

Круг замкнулся.

Аполлон Аполлонович был как Зевс: так, едва из его головы родилась Незнакомец-Паллада, как полезла оттуда другая, такая же точно Паллада.

Палладою был сенаторский дом.

.

Лакей поднимался по лестнице; о, прекрасная лестница! И — ступени: мягкие, как мозговые извилины, по которым не раз поднимались министры; — лакей уже в зале...

И опять-таки — зала: прекрасная. Окна и стены, немного холодные...

Мы окинули обиталище, руководствуясь знаком, коим сенатор привык наделять все предметы.

Так; —

— в кой веки попав на цветущее лоно природы, Аполлон Аполлонович видел: цветущее лоно природы; для нас это лоно тотчас распадалось на признаки: на фиалки, на лютики, на гвоздики; сенатор отдельности возводил вновь к единству; сказали б, конечно:

— «Вот лютик!»

— «Вот незабудочка...»

А Аполлон Аполлонович говорил и просто и кратко:

— «Цветок...»

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия. <i>Андрей Белый</i>	5
---	---

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРОЛОГ	9
ГЛАВА ПЕРВАЯ, в которой повествуется об одной достоинной особе, ее умственных играх и эфемер- ности бытия	11
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой повествуется о неком свидании, чреватом последствиями	55
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой описано, как Нико- лай Аполлонович Аблеухов попадает с своей за- тейей впросак.	97
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой ломается линия повествования	131

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЯТАЯ, в которой повествуется о госпо- динчике с бородавкой у носа и о сардиннице ужасного содержания	189
ГЛАВА ШЕСТАЯ, в которой рассказаны проис- шествия серенького денька	225
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, или: происшествия серенького денька все еще продолжают	287
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, и последняя	349
ЭПИЛОГ	381
КОММЕНТАРИИ. <i>Л. К. Долгополов</i>	385

Литературно-художественное издание

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ
ПЕТЕРБУРГ

Художественный редактор Валерий Гореликов

Технический редактор Татьяна Раткевич

Компьютерная верстка Антона Вальского

Корректор Ирина Киселева

Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 03.10.2017.

Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 19,7. Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®

119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»

143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.ru

Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

Y-AKB-18273-03-R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят
известнейшие российские издательства: «Азбука»,
«Махаон», «Иностранка», «КоЛибри».

Наши книги — это русская и зарубежная классика,
современная отечественная и переводная
художественная литература, детективы, фэнтези,
фантастика, non-fiction, художественные
и развивающие книги
для детей, иллюстрированные энциклопедии
по всем отраслям знаний,
историко-биографические издания.
Узнать подробнее о наших сериях
и новинках вы можете на сайте
Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки
из новых книг, узнать о различных мероприятиях
и акциях, а также заказать наши книги через
интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/